

MPRA

Munich Personal RePEc Archive

On Australia's foreign economic relations

Kümpel, Arndt

7 July 2011

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/33965/>
MPRA Paper No. 33965, posted 09 Oct 2011 14:03 UTC

Внешнеэкономические связи Австралии

Данная статья содержит анализ актуального состояния и тенденций внешнеэкономической деятельности Австралии на фоне экономического роста стран Азиатского региона. После краткого исторического обзора интеграции Австралии в мировую экономику автор анализирует последствия её экономического роста в аспекте внешней торговли. Читатель найдёт также анализ отдельных совокупных показателей внешней торговли Австралии и осуществляемых инвестиций. Завершается статья прогнозом перспектив развития и связанных с этим проблем.

Есть лишь немного других стран кроме Австралии, которые смогли выиграть от экономического роста в странах Азии, особенно за последнее десятилетие. Экономически привлекательная не только для таких «драйверов» глобализации, как Китай, Индия и Южная Корея, но и для Японии, страна пережила беспрецедентную востребованность своих производственных факторов. Несмотря на это, правительство Австралии – в целях избежания „голландской болезни“ – намеревается использовать дополнительные налоговые поступления¹ для осуществления конструктивных шагов, способных гибко и сбалансированно реагировать на политику «шоковой терапии»².

Кроме того, этот ресурсный бум был обусловлен довольно низкими средними процентными ставками, что в сложных условиях не могло не отразиться на ценах на сырьё и курсы валют, торговых оборотах и конкуренции. Взаимосвязь между рынками капитала, инвестициями и условиями торговли (ToT) описана ниже. Как бы то ни было, на Австралию большее воздействие оказывает не столько диспозиция её торговых партнёров, сколько политика ультра-низких процентных ставок в большинстве промышленно развитых стран, стремящихся тем самым выиграть время для постепенной структурной адаптации к быстро меняющемуся распределению роста и благосостояния, равно как и высокая степень задолженности большинству азиатских партнёров. В свою очередь, автодинамика рынков капитала оказывает дополнительное давление на существующий ресурсный бум и бросает вызов системе стабильности мировой финансовой системы, а значит и австралийским промышленным структурам, системе её внутренних цен, производству и производительности как сообщающимся сосудам единой открытой системы.

¹ Предлагаемый австралийской налог горно-ресурсной ренты (прежде налог на сверхприбыли от ресурсов) знаменует серьёзную битву за будущее распределение прибыли от горной промышленности между государственными и корпоративными интересами вплоть до достижения окончательного соглашения. Тем не менее это представляется весьма разумным шагом для обеспечения приоритета общественного интереса, даже при свободных конкурентных рынках и налоговых режимах. Подробнее см.: <http://www.futuretax.gov.au>

² В. Свэн, П. Уонг (2011) «Стратегия и перспективы бюджета», бюджетный бюллетень № 1, 2011-12, более подробно: http://www.aph.gov.au/budget/2011-12/content/download/bp1_prelims.pdf (20.6.2011)

Ресурсный бум и „голландская болезнь“ как две скорости развития австралийской экономики

Основными источниками процветания и богатства Австралии стало прибытие в Нью-Кастл в 1791 году первой партии крупного рогатого скота (Шортманн) с северо-востока Англии, последовавшие вслед за ней в 1797 году первые овцы породы меринос, а также начало добычи угля в 1798 году. Угольная промышленность и фермерские хозяйства – основные источники роста и благосостояния австралийского континента. На протяжении последних 200 лет добавленную стоимость австралийской экономики³ определяли сыр, шерсть и кожа, пшеница и мясо, золото и серебро, медь, свинец и цинк, железо и каменный уголь, и др. Всплеск экономической активности часто наблюдался после создания людских поселений вблизи побережья, где благоприятные условия производства были источником достижения высокой производительности труда.

По многим параметрам теперешнюю ситуацию в Австралии можно сравнить с положением Нидерландов, где после открытия в большого месторождения природного газа в 1959 году сразу начался спад производства. С тех пор существует термин „голландская болезнь“⁴. Характерными тремя симптомами этой болезни были сильная внешняя позиция, высокий уровень безработицы и уменьшение производственного сектора. В то время основными причинами кризиса считались сильная валюта, высокие производственные издержки, а также упор на использование государственных доходов от газа на траты, а не инвестиции. Со временем обменный курс более, чем обе другие причины, стал считаться определяющим фактором.

После распада Бреттон-Вудской системы в 1971 году приток капитала увеличил давление и на фиксированный обменный курс Австралийского доллара. При новом лейбористском правительстве Роберта Хоука его казначей Поль Китинг 12-го декабря 1983 г. выпустил в обращение австралийский доллар (AUD). Считалось, что при более чем 10%-ном уровне безработицы и высоких темпах инфляции, этот шаг поможет значительно увеличить эффективность и конкурентоспособность австралийской промышленности.⁵ Одновременно осуществлялась либерализация других производственных факторов и таких рычагов добавленной стоимости, как торговля, инвестиции и финансовый рынок на фоне регулирования рынка товаров и рабочей силы.⁶ Несомненно это был важный шаг на пути вовлечения Австралии в мировую торговлю и финансовые системы, а «плавающая» валюта доказала свою функцию

³ Б.Форбес (2011) «Добавление стоимости в Австралии - начало конца?» в электронном журнале «Онлайн-опинион», <http://www.onlineopinion.com.au/view.asp?article=12053> (21.06.2011)

⁴ «Голландская болезнь» в «The Economist» от 26 ноября 1977, стр. 82

⁵ Д.Дж. Эткинсон (2009) «Австралийские премьер-министры. Триумф над бедствием – Боб Хоук и плавающей курс австралийского доллара», Нэшнэл хисторикэл челлендж 2009, ч.2, также <http://moadoph.gov.au/research/national-history-challenge/docs/2009/dale-atkinson-essay.pdf> (22.06.2011)

⁶ А.МэкКиссак и др. (2008) «Структурные эффекты устойчивого роста в условиях торговли», стр.16, http://www.treasury.gov.au/documents/1400/PDF/Structural_Effects_Terms_of_Trade.pdf (23.06.2011)

эффективного шокового амортизатора, особенно во время финансового кризиса в Азии в 1997 году.

После Второй мировой войны в Австралии было две предпосылки бума условий торговли (ToT). Как показывает нижеприведённый график, в 50-е годы прошлого века рост мировых цен на шерсть и, следовательно, доходов австралийских фермеров был обусловлен войной в Корее, однако адекватного инвестиционного бума не последовало.



Источник: Westpac Banking Economic Releases (31.05.2011). Актуальная информация об текущем дефиците платёжного баланса Австралии Q1, стр. 2:
www.westpac.com.au/docs/pdf/aw/economics-research/1120778 (данные от 20.06. 11)

Следующий существенный подъём произошел лишь в середине 1970-х с увеличением производства сельскохозяйственных товаров, а позднее с добычей нефти и её заменителей (угля). Последний подъем был зафиксирован в 2004 году, в результате чего сегодня можно уверенно говорить о самом высоком показателе ToT за последние 140 лет.

И, наконец, в случае Австралии положительное соотношение между ToT и реальным обменным курсом имеет солидное фактическое подтверждение. Кроме того, реальная разница процентной ставки и дефицита текущего счета по отношению к ВВП вместе с относительной ценой на товары, не обращающиеся на рынке, объясняет целые 91% изменения австралийского реального обменного курса в период с 2000-го по 2010 год.⁷

Это также убедительно доказывает обоснованность применения экономических концепций „голландской болезни” в рамках теории Хекшера-Олина для

⁷ Г.В. Натрай (2010) «Реальный обменный Австралии курса: определяющие факторы и последствия для экономики», <http://www.rba.gov.au/econ-compet/2010/pdf/first-prize.pdf> (24.06.2011)

Австралии⁸, хотя здесь под вопрос ставится соотношение степени дохода отрасли товаров, не имеющих рыночного оборота, к увеличению налоговых поступлений.⁹ В настоящее время наблюдается рост доходов, занятости и инвестиций, особенно в горнодобывающей промышленности и значит, тех регионах, где эта добыча сконцентрирована. На сегодняшний день «непривелегированные» отрасли экономики в меньшей мере испытали на себе эффект «голландской болезни», чем можно было ожидать.¹⁰

Остается политический вызов, а вместе с ним – и традиционная проблематика. Опыт не только Нидерландов, но и Нигерии, Азербайджана и даже предыдущих австралийских ресурсных бумов - убедительное доказательство того, что, „политический курс государства, хорош он или плох, осуществляемый в течение длительного времени, оказывает влияние на экономические последствия".¹¹ Международное исследование подтверждает, что ключевым объяснением того, почему среди некоторых одинаково богатых ресурсами стран у одних результаты лучше чем у других, является реакция политики на декларацию целей.¹²

Многие из внутренних и внешних прямых иностранных инвестиций (FDI) стремятся к капитализации огромного подъема цен на сырьевые товары, это затрагивает и целый комплект стратегических целей, как обеспечение доступа к месторождениям полезных ископаемых на море (газ) и суше (железная руда, золото, уголь), в том числе путем слияния и поглощения фирм (M&A), создания совместных предприятий или иных форм альянса капитала. На протяжении последних лет австралийские компании совместно с Северной Америкой доминируют в сфере слияния и поглощения горно-добывающих предприятий.¹³ Одновременно с этим рост австралийских инвестиций в Африке, главным образом в добычу золота, урана, меди, платины и бриллиантов утроился по сравнению с 2005 г. , достигнув отметки 20 миллиардов долларов.¹⁴

Тем не менее, столкновения экономических систем с более или менее встречными стратегиями, боязнь влияния, неприятие непрозрачной экологической проблематики, общественный резонанс и правительственные дефициты свидетельствуют о наличии большой озабоченности по поводу

⁸ А. МэкКиссак и др. (2008), ч.2

⁹ Д. Ричардсон (2009) «Куда ушла прибыль от бума горной промышленности?» http://www.ccag.org.au/images/stories/pdfs/mining_boom_final.pdf (24.06.2011)

¹⁰ А.МэкКиссак и др. (2008), стр. ii

¹¹ Г. Стивенс (2011) «Перекрёстные потоки в глобальной экономике», Резервный банк Австралии 2010, стр. 4, <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2010/dec/pdf/bu-1210-10.pdf> (21.06.2011)

¹² В. Свэн, Л. Тэннер (2010) «Стратегия и перспективы бюджета». Бюджетный боллетень № 1, 2010-11, стр. 4-11, <http://www.aph.gov.au/budget/2010-11/content/bp1/download/bp1.pdf> (20.6.2011)

¹³ «PwC» (2011). «Рудники и шахты в 2011-м - игра изменилась». Обзор мировых тенденций в горном деле, http://www.pwc.com/en_GX/gx/mining/pdf/mine-2011-game-has-changed.pdf (25.06.2011)

¹⁴ Е. Свэйппеол (2010) «Инвестиции Австралии в африканские ресурсы достигли пика в 20 миллиардов», <http://www.miningweekly.com/article/australias-investment-in-african-resources-tops-a20bn-2010-09-01> (24.06.2011)

ресурсного национализма.¹⁵ Несомненен и факт растущего участия правительства в борьбе за предложения фирм и концернов покупки контрольных пакетов акций других компаний, как показывает пример неудавшейся попытки китайской «Чиналько» приобретения акций британо-австралийской фирмы «Рио Тинто» и вмешательства австралийского концерна ВНР Billiton. Кроме этого, вертикальная интеграция неукоснительно двигает производителей взад и вперёд в цепи добавленной стоимости.¹⁶

Динамика австралийской внешней торговли

С «похудением» экономического костяка Британской империи произошла *европеизация* Великобритании. И чем больше последняя вовлекалась в Европейское сообщество, тем последовательнее происходило выдворение Австралии с европейских рынков. Защитный барьер ЕС и, в частности, его сельско-хозяйственные субсидии были особенно ощутимы в Австралии. Первыми это почувствовали на себе овцеводство на юго-востоке страны и плодоводство в Тасмании¹⁷. А поскольку Великобритания повернулась лицом к Европе, Австралии не оставалось ничего другого, как взять курс на Азию.

В 1965 году 35% австралийского экспорта шли в страны Западной Европы, причём половина из них - в Великобританию. В 1989 году объём экспорта в Западную Европу составил 15%, из них менее половины в Великобританию. В тот же период по сравнению с 1965-м годом когда экспорт в Восточную Азию составлял 29%, Японию 16,6%, Гонконг 2%, и был практически нулевым для Южной Кореи и Тайваня - в 1989 году он составил 50% в южноазиатские страны, 26% в Японию, 4% в Гонг Kong, 5,3% в Южную Корею и 3,5% в Тайвань¹⁸. В 1990-е годы наблюдается увеличение экспорта в Китай (после 5% всего австралийского экспорта в 1965 году, 3,7% в 1980-м и 2,9 % в 1989-м).¹⁹

Изменилась и структура австралийского импорта: индустриализационная стратегия ориентации на дополнительный экспорт, впервые применённая Японией а затем и другими азиатскими странами, обусловила и рост австралийского импорта – отмена торговых ограничений открыла зелёную улицу свободному потоку товаров и услуг. С основанием в 1967-м году Ассоциации государств южно-восточной Азии (АСЕАН) и в 1989-м Азиатского тихо-океанского содружества (АТЭС) а также либерализацией мировой торговли в рамках Уругвайского соглашения и подписанием двусторонних договоров с Новой Зеландией, Сингапуром, США, Таиландом, Чили и странами

¹⁵ Там же. Это относится не только к товарам. Отказ австралийского казначея С. Вэйна от 8,4 млрд. AUD, предложенных в 2010 г. Сингапурской биржей Лтд. для приобретения австралийского конкурента «ASX Ltd», поддержанный отдельными австралийскими законодателями, свидетельствует о распространении этой проблемы на всю экономику.

¹⁶ Там же, стр. 18

¹⁷ Б.Кэтли (1996) «Глобализация австралийского капитализма. Кембридж, Нью-Йорк, Мельбурн». Кэмбридж юниверсити пресс, стр. 197

¹⁸ Б.Кэтли (1996), стр. 198

¹⁹ Там же

АСЕАН свободная торговля институционально поощрялась и приносила плоды.²⁰ Как составная часть австралийского ВВП торговля с 32,5% в 1988-1989 гг. возросла до 47,1% в 2008-2009-м - с 55,5 до 284,7 млрд. AUD.²¹

В 1965 году 11,6% всего австралийского импорта приходилось на страны Северо-Восточной Азии, 4,1% - на регион АСЕАН, 27,3% - на Северную Америку и 42,7% - Западную Европу. В 1989 году импорт из Северо-Восточной Азии вырос до 31,6% и до 6,3% из стран АСЕАН, снизившись при этом до 23,6% по отношению к Северной Америке и до 26,8% - к Западной Европе.^{22 23} С этого времени Австралийская внешняя торговля сделала еще один внушительный шаг в сторону азиатских партнёров. В 2010 году адресатами австралийского экспорта были Китай (22,6%), Япония (16,0%), Южная Корея (7,9%), Индия (6,9%). Экспортный поток в США составил лишь 5,1% , а в Великобританию - всего 4,4%.²⁴ В целом на страны АЭТС пришлось 73,4% совокупного австралийского экспорта, АСЕАН - 10,5% и 9,5% на 27 стран Европейского сообщества.²⁵

Ситуация с австралийским импортом всё ещё выглядит иначе. Импортный пирог разделён странами на различные доли, а именно: 15,3% - Китай , 13,2% - США, 7,6% - Япония, 5,3% - Сингапур, 4,8% - Таиланд, и 4,5% - Германия. Иными словами, импорт из стран АЭТС составил 67,8%, из 10 стран ASEAN - 18,9%, и из 27 стран ЕС - 19%.²⁶

С тех пор как профильная экономика Австралии сопряжена с движущими требованиями фактора роста азиатских стран, это находит отражение в структуре обмена товарами и услугами. Так, в 2010-м году лидером австралийского экспорта на сумму 284,7 млрд. AUD была железная руда (27,4%), за которой следуют уголь (25,1%), образовательный сектор (6,2%), золото (5,3%) и туристический сервис, за исключением образовательного

²⁰ Обзор австралийской внешней и торговой политики см.: «Австралийское бюро статистики (2010). «Ежегодник Австралия 2009-10», № 91, Канберра

²¹ Австралийский Департамент иностранных дел и внешней торговли (2009), показатели торговли Австралии в период 1988-89 - 2008-09 гг., <http://www.dfat.gov.au/publications/stats-pubs/australias-trade-performance-1988-89-к-2008-09.pdf> (24.06.2011)

²² ОЭСР (1994). Экономический обзор Австралия - Париж австралийского министерства иностранных дел и внешней торговли (1992) «Австралия и Северо-Восточная Азия в 1990-е – акселерация изменений», Канберра.

²³ После периода либерализации торговли и инвестиций правительства Р. Хоука начиная с 1983 года наблюдается динамичный рост доли австралийской внешней торговли (экспорт плюс импорт) , достигший особенного усюрения к началу 1990-х. Институционально процесс содействия развитию торговли и инвестиций был существенно усилен созданием Австралийской комиссии по конкуренции (Аустрэйд) законодательным актом 1985 года.

²⁴ Австралийский Департамент иностранных дел и внешней торговли (2011) «Десять ведущих торговых партнёров Австралии в области товаров и услуг в 2010 году». <http://www.dfat.gov.au/publications/tgs/partners-top10-2010.pdf> (24.06.2011)

²⁵ Там же

²⁶ Там же

туризма (4,3%).²⁷ Самую большую долю в общем импорте на сумму 267,8 млрд. AUD составил личный туризм без образовательного направления (7,6%), сырая нефть (6,1%), легковые автомобили (5,9%), продукты переработки нефти (3,7%) и грузовые транспортные услуги (3,2%).²⁸

В течение целого десятилетия (1988-89 – 2008-09 гг.) среди множества других хорошо зарекомендовала себя категория „ другие товары“. Сюда относятся австралийские вина - с их 8%-ой среднегодовой тенденцией роста, промышленное производство (5,8%) и сфера услуг (5,6%). Список замыкают природные ресурсы (4,8%) и золото (3,3%).²⁹ Что касается импорта, то это в основном золото (как правило для переработки и реэкспорта) - 13,2%, средства производства - 12,2% и потребительские товары - 8,9%.³⁰

Наконец, главным двигателем роста и «бронзовым призёром» экспортного сектора австралийской экономики - с оборотом в 17,7 млрд. AUD – стал образовательный туризм. Его доля в экспорте услуг за 10 лет выросла с 2000 года почти в три раза (33,75% по статистическим данным на 2010-й год). Услуги в области образования, в т.ч. высшего, принесли доход в размере 10,4 млрд. австралийских долларов. В области профессиональной подготовки этот показатель составляет 4,8 миллиардов. Стратегически выгодное положение Австралии благоприятствует созданию образовательных центров - пунктов притяжения для англо-говорящих азиатских стран. Здесь рыночное участие стран распределяется следующим образом: Китай - 23,8%, Индия - 17%, Южная Корея - 6% и страны АСЕАН 19,2%. Среди последних Вьетнам (37,3%), Филиппины (36,9%) и Таиланд (14%) имеют самую высокую 5-летнюю среднюю динамику роста. Чтобы у образовательного сектора Австралии также было большое будущее, необходимо поддерживать баланс между солидной системой образования и гостеприимством, так как сектор уже почувствовал некоторые симптомы «голландской болезни» после укрепления австралийского доллара. В любом случае многообещающим залогом успешного будущего призваны стать составление специальных программ для студентов, учёт пожеланий обучаемых, адекватный персонал и гостеприимство учебных центров.

Последние маркетинговые образовательные проекты, проведённые обществом Австратрэйд для Японии, Непала, Индии и др. направлены на укрепление австралийского образовательного бренда, который имеет шансы противостоять воздействию давления колебаний обменных ставок. Несмотря на недавние конфликты с Индией, приведшие к резкому уменьшению выдачи студенческих виз для её граждан в 2010 году, эта страна несёт в себе огромный потенциал для образовательной отрасли Австралии.

²⁷ Австралийский Департамент иностранных дел и внешней торговли (2011) «25 ведущих позиций австралийского экспорта товаров и услуг в 2010-м году», <http://www.dfat.gov.au/publications/tgs/exports-top25-2010.pdf> (24.06. 2011)

²⁸ Австралийский Департамент иностранных дел и внешней торговли (2011) «25 ведущих позиций австралийского импорта товаров и услуг в 2010-м году», <http://www.dfat.gov.au/publications/tgs/imports-top25-2010.pdf> (24.06. 2011)

²⁹ Австралийский Департамент иностранных дел и внешней торговли (2009) «Показатели торговли Австралии с 1988-89 по 2008-09 гг.», <http://www.dfat.gov.au/publications/stats-pubs/australias-trade-performance-1988-89-к-2008-09.pdf> (24.06.2011)

³⁰ Там же

Перспективы

Как видим, участие Австралии в экономическом подъёме стран Азии, особенно Китая, Индии и Японии, несомненно, а региона АСЕАН все более очевидно. Эволюция от страны белых европейцев к мультинациональному государству несёт в себе опасность социальных конфликтов, столкновения культурных обычаев и межнациональных проблем. Проекты типа Австралийского фонда национального благосостояния, устойчивое региональное перераспределение налоговых доходов от природных ресурсов, последовательное укрепление банковской стабильности, в частности её иммунитета перед возможной глобализацией процентных ставок и валютными потрясениями, равно как и социальная приемлемость и экологичность устойчивого экономического роста требуют мудрых политических решений. Здесь особенно необходим эффективный трансфер поддержки адаптации индивидуального и регионально балансирования, и не только для тех отраслей, которые, как считается, перенесли наиболее тяжёлые осложнения после „голландской болезни“. Всё это поможет Австралии стать в будущем тем якорем, на который Европа захочет встать в Азии.